

В.И.ДАЛЬ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

7

Владимир Иванович Даль

**Сказка о бедном Кузе
Бесталанной Голове и о
переметчике Будунтае**

Владимир Иванович Даль

**Сказка о бедном Кузе
Бесталанной Голове и о
переметчике Будунтае**

А что, ребята, какой ныне у нас день? Кто скажет, не заглядывая в святцы, не справляясь у церковника нашего, ни у тещи его, у просвирни?

– А ныне тринка-волынка-гудок, прялка-моталка-валек, да матери их Софии, – отвечал косолапый Терешка, облизываясь.

– А коли так, – молвил сват, – коли праздник, то, видно, быть тому делу так: чтоб не согрешить, не ухватиться от безделья за дело, подите-тка сюда, садитесь на солнышко в кружок да кладите головы друг дружке на колени; сами делайте свое, а сами слушайте!...

Жил-был во земле далекой, промеж чехов да ляхов, старик гусяр да старуха гусярка...

– И страх их не берет, – сказал долгополый церковник, проходя мимо наших молодцов и подпираясь терновой тросточкой своей, – и страх их не берет! Хоть бы воскресного дня дождались, да и зубоскалили б; так нет, вишь, и в будень... Погоди, вот я вас!

– Не сердись, дядя Агафоныч, – молвил сват, – что пути, печенку испортишь; позволь-ка милость твою поспрошать: у вас коли бывает воскресный-эт день?

– В воскресенье, антихристы, – гаркнул Агафонч.

– Ан в субботу, – подхватил тот же молодец, – в субботу перед вербным у вас бывает Лазарево воскресенье!

– Вот каков, и церковника сбил да загонял, – закричали ребята, заливаясь хохотом, – ай да письмослов!

А рассказчик продолжал:

– Жил, говорю, старик гусляр да старуха гуслярка. Спросите вы: что-де за гуслярка, коли он играл на гуслях, а не она? Сами разумные вы, кажись, знаете, что по шерсти собачке кличка бывает, а по мужу и жену честят; коли муж гусляр, так жена неужто, по-вашему, пономариха? А коли этого про вас мало, так скажу вам, молодцам молодецким, что и старухе намедни прилучилось поиграть на гуслях: как полезла она за решетом да стянула их рядом с полатей – загудели, сердечные, сказывают, вечную память по себе пропели да и смолкли.

До этого греха старик наш кой-как с ломтя на ломоть перебивался; хотя, правда, родовое добро его, голос молодецкий, стал уже отка-

зываются и подламываются о ту же пору, как и зубы, промоллов с лихвою два-сорока годов; но наживное имущество, гусли, все еще служили верою и правдой безволосому и белобородому, утешали жителей села Поищихи, со проселки и выселки, и кормили старичков наших и сына их, бедного Кузю. Но теперь, после того когда старухе нехотя, как сказывал я вам, случилось поиграть на гусях этих и в первый и последний, когда, сверх того, старички, живучи в сырой, дряблой землянке, захворали, то пришлось было им пропадать совсем. Вот они и сложили поскребыши и осколки гуслей своих в мешок, повесили его сыну, бедному Кузе, на шею и послали его собирать подаяние милосердных и жалостных прихожан; кто знал старика и помнил гусли его, тот-де не отринет и теперь, а подаст. Ходит Кузя по миру и поет под оконцами песни:

*Гляньте, загляньте в дыряву котомку,
Дайте, подайте хлеба ломоть!
Тянька гусяр, моя мама гусярка –
Где твои гусли, бедный Кузя?*

*Гляньте, загляньте в дыряву котомку,
Дайте, подайте хлеба ломоть!*

Раз как-то в воскресный день бедный Кузя наш подошел поздним вечером под светлое оконце брусяной десятской избы, пропел песенку свою, потрянул осколышами гуслей в мешке – нет ответу, ни привету, а шум и тары да бары в избе слышатся большие. Подошел Кузя поближе, вплоть под окно; глянул – сидят бабы; прислушался – идут у них толки о нечистой силе, про знахарей, волхвов, кудесников да про киевских ведьм. Всего, чего бедный Кузя наслушался у окна, пересказывать не станем. «Бабы дуры, – подумал он и сам, как отошел, и затащил ту же песню свою под другим окном, – кто бабе поверит, и трех дней не проживет»; иначе долго у него не выходило из головы, как бабы клялись и божились, что коли кто чары творит да зажмешь в это время пальцем сучок в стене бревенчатой избы, так пересилишь его; а еще говорили, что ведьму, знахаря, колдуна и всякого, кто только спознался да живет с нечистой силой, можно пригвоздить к месту и покорить себе

на живот и на смерть, коли приколоть булавкой тень его к земле либо к стене; бедняга пропал тогда и с нечистым своим; будет моргать очами да повертываться, что на колу, и наконец взмолится: *аман [1]!* перед булавкой твоей, как турок неверный перед русским штыком!

Бедный Кузя рылся как-то в золе, в сору и в навозе, собирая кости, которые он жег и продавал на ваксу и на разные снадобья какому-то засевшему в ближнем уездном городке оскольшу наполеоновской армии, учителю всякой всячины и досужему делателю ваксы и помады, – как вдруг к нему, к Кузе, подошел, отколь ни взялся, цыган ли, татарин ли какой, поглядел на него и присел на кучку навоза, будто хотел стеречи ее от суковатой клюки бедного Кузи. Кузя поглядел на него искоса, стал опять разгребать сор поодаль от шабра, от соседа, и сметил, что новый сторож, на кучке сидючи, задремал. «Кто это?» – спросил тогда Кузя потихоньку шальную Мотрю, которая пасла телят и свиней. «Неужто ты эту собаку не знаешь? – сказала Мотря шальная. – Это Будунтай, чертов пай, всем ведомый пере-

метчик; он в Вятке барсуком из норы вылез, в свояки семи шаманам сибирским приписался, под Чудовом в козла оборотился, в Вологде свечой подавился, да кабы казанские татары не сняли с него шкуры на сафьян, так бы и светильня за ним пропала! Он перекинулся в тройку бегунов, а из них две лошаденки белые, а одна голая, – да и ушел на три стороны; ищи его! Вот он за что и слывет у нас переметчиком, что перекидывается, собака, во что ни задумал!»

Бедный Кузя оглянулся на Будунтая, испугавшись голосистого крика шальной Мотри, а уж Будунтая и нет: на том месте, где он сидел, лежит только камень, а камня того, кажись, прежде не было. Кузя застрогал деревянную шпильку, подкрался к камню против солнца, да и приколот тень камня того к земле. «Что-то будет?» – подумал он. Долго камень лежал да отмалчивался, а Кузя стал разгребать под ним кучу навоза. Тогда и камень не утерпел: он перекинулся пошехонцем, в поршнях [2], в зипуне, с берестовой котомкой за плечами, и стал просить Кузю, чтобы он не ругался над бедным, бездомным поденщиком, чтобы не

подрывался под него суковатою клюкою, а вынул бы колышек, на который-де того и гляди либо скотина, а не то и прохожий человек наступит да напорет ногу. Тогда Кузя наш догадался, что Будунтай недаром о колке заговаривает, и не вынул его, доколе тот не посулил ему за волю свою любого.

– Сокрушил меня, злодей! Проси чего хочешь, – сказал наконец Будунтай, а самого сердце так и подмывает; потом снял шапку, отер пот с чела полотенцем с алыми шитками да со владимирскими городочками и вздохнул тяжело, словно в оглоблях.

– Выучи меня своему досужеству, – стал тогда просить бедный Кузя.

– Изволь, – отвечал Будунтай, – отпусти ж меня!

– Нет, врешь, обманешь, в лес уйдешь, – приговаривала шальная Мотря.

– Дай задаток, – сказал Кузя, – видно, Мотря шальная правду говорит: мужик тонет – топор сулит, вытащишь – и топорница жаль! Дай задаток, а не то не отпущу!

Будунтай разгреб, не вставая с места, под собою кучу, достал горсть алтына, золота и

высыпал его Кузе в котомку.

– Врет, обманет, в лес уйдет, – приговаривала опять Мотря.

– Все это хорошо, – сказал Кузя, – да этого мало; надо мне тебя затаврить, чтобы ты не ушел, да окорнать для приметы одно ухо; пой песни, хоть тресни, а без пометы не пущу, ты не курица, ногавки на тебе не навяжешь – давай ухо!

Будунтай-переметчик осерчал, стал браниться по-своему, по-вятски:

– Чего *тали* [3] натаращил на меня *блябла* [4]те в ухо, чтоб тебя *комуха* [5]в *ромух* [6] свернула! Чоб тебя *ураса* [7]в *вицу* [8]иссушила да *шоры* [9]и *сильки* [10]пупочки с тебя посклевали! Бери нож, – сказал он наконец, – да режь ухо!

– Нет у меня ножа, – отвечал Кузя, – доставай свой, не то зубом грызть стану!

Будунтай снял с пояса складной нож, раскинул его, подал Кузе и подставил правое ухо.

– Левое, давай собака, – сказал Кузя, – недаром что-то ты его отворачиваешь!

Будунтай подставил и левое. Кузя ухватил ухо, перегнул его, как сгибают сапожный то-

вар, когда клюшву [11] выкраивают, вырезал и ускорнячок [12] углом, положил лоскут в котомку, где лежали гусли, и выдернул из земли колышек. Будунтай только крякнул, встал, встряхнулся, в черного петуха обернулся и приказал Кузе приходить в самую полночь за село, на распутье, где дороги разбегаются: в лес, на водопойное озеро, да на кладбище. Сам взмахнул крыльями, перекинулся рябой сорокой и полетел, как сороки летают, поджигая крылышки под мышку, да все прямо, что из лука стрела.

Бедный Кузя пришел домой, высыпал старикам своим пригореть золота, сказал, что богатый человек берет его в услужение да в ученье и вот прислал-де им задаток. Старики порадовались и потужили; сын покинул им оставные гусли и пошел в полночь на перепутье.

Прислонившись к верстовому столбу, прождал он уже долгонько, стало время за полночь, а Будунтая нет. Кузя сказал про себя: «Недаром, видно, Мотря честила тебя; видно, знает она дружка! Ну да меня теперь не проведешь, от меня в лес не уйдешь!» Сам вынул

уху Будунтая и укусил его зубами. Столб, у которого стоял бедный Кузя, взвизгнул по-верблюжьи и закачался. Кузя отскочил в сторону, поглядел на версту, на столб:

– Кой черт! Ты, что ли, это, Будунтай?

– Я! Да что ж ты кусаешься, знаком? – сказал пегашка-столб; пойдём, что с тобой делать, пойдём ко мне в науку; да только гляди, теперь ты мне слуга, поколе не выучишься всему досужеству моему, от аза до ижицы!

– А там что, – спросил Кузя, – как выучусь?

– А там, – отвечал Будунтай, – на свой пай сам промышляй; беркут пискленка кормит, а орла не кормит.

Будунтай взял его и продержал в науке довольно долгое время. Как он учил его своему художеству? – спросите. Да вот как: выдернет у него руки, ноги, самого в ком свернет – вот вам кочан капусты; запустит ему руку в глотку по самое плечо, ухватит там за что ни попало, вывернет наизнанку – вот вам ни то ни се, ни черт знает что. Такое ученье бедному Кузе наскучило и надоело; он стал проситься домой, уверяя, что он уже всю науку прошел и всему научился. Будунтай-переметчик по-

звал стариков, родителей его, вывел им трех коней и спросил: «Который ваш сын?» Старик поглядел да и указал, наудалую, на авось, среднюю. «Нет, – отвечал Будунтай, – знать, сын твой недоучился. Поди и приходи через полгода».

Вы знаете, ребята, что ждать полгода долго, страх долго; а между тем, оглянись назад, его уже и нет! Старик пришел в срок, а Кузя как-то тихомолком шепнул ему: «Укажи-де на ту кобылу, которая будет вертеть хвостом». Но Будунтай вывел ему трех куцых куропаток и велел узнать сына. Старик указал опять на какую попало – и не угадал. Кузя известил отца, что в следующий раз будет оправливать носом перышки на шейке, – а Будунтай вывел опять коней. Средний махнул, однако ж, хвостом, старик его узнал и взял выученного сына домой. «Возьми его, – сказал переметчик Будунтай, – да слушай: береги его как око свое; если ж понадобятся тебе деньги, то вели сыну оборотиться в коня, веди на базар и продавай; да только смотри, уздечки с ним не отдавай, а сыми да неси домой, так и он дома будет». Колдун махнул рукой и пропал, слов-

но сквозь землю провалился; а лошади оборотились в людей: вороной жеребчик – в Кузю бесталанного, рыжая кобыла – в шальную Мотрю, а чалый мерин – никак в тебя, Терешка!

Старик пришел с сыном домой, дождался торгового дня; Кузя оборотился конем, отец повел его на базар, продал, накупил сладкого и горького, квашеного и соленого – а он, вишь, держался русской поговорки: пей кисло, да ешь солоно, так и на том свете не сгниешь. Накупивши всего, чтобы было чем полакомить и старуху свою, пошел домой, а Кузя, его сын бесталанный, дорогою его нагнал, и они опять оба вместе, рассмеявшись да порадовавшись, как ни в чем не бывало воротились домой.

А ушел наш Кузя от нового хозяина своего вот каким делом: ржевский мещанин, барышник, приехавший в нашу сторону закупать лошадей, чтобы там гнать их на Лебедянскую ярмарку, сторговал и купил у старика гусяра каракового коня, четырех лет, трех с половиною вершков [13], без тавра и без отметин, поспорил было с хозяином за то, что

этот, поупрямившись, не хотел передать ему, как водится, повод новокупки из полы в полу, а с коня, не по обычаю, снял недоуздок, – известно, что корова покупается с подошником, а конь с недоуздкой, – наконец однако же, чтобы не упустить сходной покупки, на все согласился и заплатил гусяру деньги. Не успел этот отойти, а ржевский барышник оглянуться на бойкую, голосистую торговку, с которой тем часом молодой калмыцкий жеребчик стянул зубами головной платок, как народ, обступив нашего коновала и барышника, стал хохотать и указывать на него пальцами. Ржевский мещанин оглянулся назад – у него в поводу не конь, а человек. Что тут было шуму, крику, брани, божбы и смеху – весь базар расходился; казаки отняли у рыжего коновала бедного Кузю; этого отпустили, а того прозвали полоумным. Хотел он было идти просить – да к кому пойдешь и на кого? Но это, слышь, не все, а была еще потеха вот какая: крымский цыган, подкочевавший на базар с походною кузницею и увидевший, что приключилось со ржевским коновалом, рассудил, что Кузькино ремесло не плохой хлеб

и что не худо бы попытаться перенять у него доброе дело; загадано – сделано; цыган продал тому же барышнику клячонку свою, а потом украл ее у него же из рук, передал товарищу, а сам надел на себя недоуздок. Когда же барышник наш оглянулся и снова увидел, что ведет в поводу не коня, а живого человека, только другой масти, смурого цыгана, то плюнул, кинул повод, перекрестился, прочел: «С нами крестная сила» и «Помилуй мя, господи!» – уехал с базару, и с той поры в Черкасск более ни ногой. Ну его, рыжего, к семи Семионам [14], обойдемся и без барышников! Только, окаянные, цены портят, с чужого добра сбивают, на свое наносят да набивают, а проку в них ни на волос!

Дождавшись другого базарного дня, гусляр наш опять вывел лошаденку на продажу. На грех навязался какой-то шестипалый пройдоха, подпоил нашего старика, присударивал [15] да присударивал и купил у пьяного гусляра коня и увел его совсем, с недоуздком. Старик пришел домой, проспался, спохватился, да ожидает сына своего чуть ли не поныне.

На этот раз купил Кузю бесталанного сам

Будунтай. Первым делом Будунтая было отрезать у новокупки левое ухо, на обмен, на выкуп своего, которого иверень [16] о сю пору еще оставался за Кузею. Разменявшись, оба они стали с ушами; да уж отныне, хоть и был Кузя по-прежнему мастером науки, в которой искушался на выучке у Будунтая, не стало ему, однако же, более по-прежнему власти над учителем своим, а должен был Кузя поневоле ему покориться.

Будунтай, изморивши да загонявши коня новокупленного до бела мыла и задавши на нем концов десяток-другой по городу, прискакал домой – а дом у него стоял в чистом поле невидимкою – и привязал лошадь подле тыну. Никак у тебя, Лукашка, кобыла была из Гукеевской орды, что не терпела на себе в стойле недоузда: бывало, как ни пригонишь на нее оброть, как ни подтянешь его пряжкой, она дотоле чешется, доколе не скинет его с головы долой. Кузя, бесталанный у нее, зная, наострился, только что Будунтай в избу, а он ну чесаться щекою, задрал голову кверху, – задел недоузком за кол плетня, да и стащил его долой с головы через уши.

Мальчишка, сын Будунтая, увидел это, на дворе стоя, и побежал сказать отцу. Тот, выскочив, пустился в погоню за конем, и тут-то пошла потеха: Кузя, видя, что лютый барс его нагоняет, ударился об землю, перекинулся белым кречетом и взмыл по-над крутым берегом реки. Будунтай ударился на него сизым беркутом; Кузя ринулся клубом об берег, перекинулся пескарем и соскочил в воду. Будунтай, таки прямо как мчался за ним, комом грянулся об воду, распластав высокий вал надвое, и щукою зубастой насел на хвост мелькавшего серебряной чешуйкой пескарика. Кузя-бедняга вынырнул стрелою из воды, сделал, собравшись с последними силами, скачок в маховую сажень, обернулся в золотое колечко и подкатился под ноги гулявшей в те поры на муравке побережной княжны Милолики, дочери владельца той земли. Княжна Милолика подхватила колечко, надела его на пальчик и с радостным удивлением оглядывалась вокруг. Будунтай вынырнул гусем лапчатым из воды, выплыл на берег, встряхнулся, оборотился в купца кашемирского, подошел к княжне и стал просить убедительно от-

дать ему потерянное им колечко. Княжна испугалась густой черной бороды и воровских карих очей да сурменных бровей и чалмы кашемирца, закричала и прижала колечко к груди своей. Сенные девушки да подруженьки набежали, окружили младую княжну свою, кинулись все на неотступного бородача и начали его щекотать без пощады, до того, что названный гость хохотал, и кашлял, и плакал, и чихал, и ногами и руками лягался, и снопом овсяным по мураве катался, да такая над ним беда прилучилась[17], что позабыл было всю науку свою; через великую силу опамятовавшись, оборотился он мигом в ежа, от которого девушки, поколов алые пальчики свои чуть ли не до крови, с криком отскочили. Пастух, прибежавший на крик и шум, взмахнул долгим посохом своим и ударил свернувшегося тугим клубом ежа, и еж рассыпался калеными орехами; запрыгали орешки по земле, а девки кинулись их подбирать, да опять-таки с криком отскочили, побросав все, что захватили в лайковые ручки свои: орешки не тем отозвались, это были раскаленные ядрышки, и барышни наши по-

обжигали себе пальчики.

– А я бы рукавицы надел да подобрал, – сказал косолапый Терешка.

– Знать, ты умен чужим умом; ты и в Киев дойдешь, коли люди дорогу укажут, – отвечал сват, – а сам ты, брат, и лапы обжегши, не очень бы догадался, как управиться: чай, стоял бы, вытулив очи, да поглядывал бы на диво дивное, что красноносый гусь на татарскую грамоту!

Княжна показала царственным родителям своим ненаглядное колечко да испросила позволение любить его и не сымать с пальчика своего ни день, ни ночь. Как только осталась она одна, то и начала играть колечком: наде-ла его на тонкий шитый платочек свой и, забавляясь, покачивала да перепускала по платочку от конца до конца. Вдруг колечко как-то упало, покатилося, рассыпалось – и казак, молодецкая душа, Кузя бесталанный, стоял перед княжною. Он убрался на этот раз в малиновый бархат да в тонкое синее сукно. Никто в палатах царских не слышал разговоров его; княжна, однако же, вышла к браному столу и грустна и радостна, и опять-таки с завет-

ным колечком на руке. Она сказала только бабушке, что сего дня-де, наверное, опять явится тот страшный купец, кашемирская борода, и будет просить выдачи колечка, и умоляла отца не отбирать у нее этого сокровища. Когда же и на самом деле по вечеру явился купец, у которого все еще не прошла икотка после вчерашней щекотки да хохотни, когда пришел, говорю, кашемирец за потерянным будто бы на берегу реки колечком, то царь-отец позвал дочь свою и приказывал отдать купцу кольцо: «Нам чужое добро таить, дескать, не идет». Княжна отвечала, что не смеет послушаться дорогого родителя своего, но и не может передать мужчине колечко из рук в руки, а поэтому и кинула его на пол, пусть-де не прогневаается да сам подымет. Но колечко рассыпалось мелким жемчугом; купец живо встряхнулся, перекинулся черным петухом и начал проворно подбирать жемчужинки; а подобравши все, взлетел он на окно, захлопал крыльями и закричал петухом; «Кузя, где ты?» – да за словом и выпорхнул в окно. Но княжна, которую наш Кузя, видно, наперед уже поучил да настроил, кинув колечко, уро-

нила в то же время, будто невзначай, платок свой да им и прикрыла одну самую крупную жемчужинку. Она-то вдруг выкатилась теперь из-под платка, отвечала на спрос петуха, словно петухом же: «А я здесь!» – и ринулась соколом из окна; грянул сокол с налету – только шикнул крыльями по воздуху, – грянул клубом в черного петуха, подпорол ему заборным ногтем левый бок да черкнул по левому крылу, помял и поломал все перья правильные; упал камнем петух замертво в крутоберегий поток, и понесло его волною вниз по реке, по зеленой воде. Почернела и побагровела вода от пенистой крови; а подрезанное левое крыло вскинуло и подняло ветром, оно и запарусило туда ж по пути, вниз по реке, поколе не завертело петуха встречным теченьем в заводи, – там, сказывают, сомина, чертова образина, им было подавился, да нет, справился, проглотил; не подавится он, чай, и самим сатаной, не токма конем его подседельным.

Сокол взмыл над теремом царским, впорхнул в широкое окно, сел на руку княжны своей и поглядывал на нее ясными, разумными

очами. В это самое время черный петух испустил дыхание свое, а ясный сокол спорхнул на пол и предстал в том же виде, как колечко давеча перед княжною: перекинулся молодцом молодецким. Со смертью Будунтая Кузя лишился, правда, силы и умения перекидываться и принимать иной образ, да и не тужил уж об этом; живучи в довольстве и в богатстве с супругою своею, бывшею княжною Милоликою, вскоре наследовал он престол царский, жил да княжил, правил да рядил, солоно ел, да кисло пил, стариков своих, гусяров, поил да кормил, а Терешке косолапому велел братчиной да складчиной насыпать песку за голенища! Держите его, дурака, ребята, держи его!

Примечания

1

Аман – пощади, сдаюсь.

[^^^]

2

Поршни – род легкой обуви, сделанной из кус-
ка сырой кожи или шкуры.

[^^^]

Глаза (*Прим. автора.*)

[^^^]

Оплеуха (*Прим. автора.*)

[^^^]

Лихорадка (*Прим. автора.*)

[^^^]

Тряпица (*Прим. автора.*)

[^^^]

Упрямца; это испорченное татарское *урус*, русский. И поляки говорят: *uparty, jak Moscai* (*Прим. автора.*).

[^^^]

Хворостина (*Прим. автора.*)

[^^^]

Индейки (Прим., автора.)

[^^^]

Цыплята (*Прим. автора.*)

[^^^]

Клюшва – две боковые лопасти, образующие башмак.

[^^^]

12

Ускорнячок – треугольная вырезка в ухе лошади, являющаяся меткой животного.

[^^^]

При определении роста обычно называли только верхки, опуская подразумеваемые два аршина.

[^^^]

Семь Семионов... – персонажи русских народных сказок, братья-умельцы.

[^^^]

Присударить – уговорить.

[^^^]

Иверень – то же, что ускорнячок.

[^^^]

Прилучаться – приключиться, случиться.

[^^^]